

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2010
XIX**

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
557
EXPRESS-ISSUE

2010 № 557

СОДЕРЖАНИЕ

- 471-477 Профессору доктору Тиму Биркхеду – 60 лет!.
Е. Э. ШЕРГАЛИН
- 478-486 Осенне-зимнее питание глухаря *Tetrao urogallus* на севере Западной Сибири.
В. Г. БОРЩЕВСКИЙ, А. Г. КУПРИЯНОВ
- 486-490 О залёте чёрного лебедя *Cygnus atratus* в национальный парк «Себежский» (Псковская область). С. А. ФЕТИСОВ
- 491-497 К экологии центрально-азиатского певчего сверчка *Locustella certhiola centralasiae* на Западном Алтае.
Б. В. ЩЕРБАКОВ
- 497-498 Встречи птиц в Каспийском море в декабре 2009 года.
В. В. ХРОКОВ
- 499 К биологии амурского свиристеля *Bombusilla japonica* на Партизанском хребте (Южное Приморье).
Н. Н. ПУГАЧУК
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X I X
E x p r e s s - i s s u e

2010 № 557

CONTENTS

- 471-477 Professor doctor Timothy Birkhead – 60 years!
E . E . S H E R G A L I N
- 478-486 Autumn and winter diet of the capercaillie *Tetrao urogallus* in northern part of Western Siberia.
V . G . B O R S H C H E V S K Y , A . G . K U P R I Y A N O V
- 486-490 On a vagrant black swan *Cygnus atratus* in the Sebezh National Park (Pskov Oblast). S . A . F E T I S O V
- 491-497 To ecology of the Pallas's grasshopper warbler *Locustella certhiola centralasiae* in Western Altai.
B . V . S H C H E R B A K O V
- 497-498 Observations on birds in the Caspian Sea in December 2009. V . V . K H R O K O V
- 499 To biology of the Japanese waxwing *Bombycilla japonica* on Partizansky mountain ridge (Southern Primorie).
N . N . P U G A C H U K
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Профессору доктору Тиму Биркхеду – 60 лет!

Е.Э.Шергалин

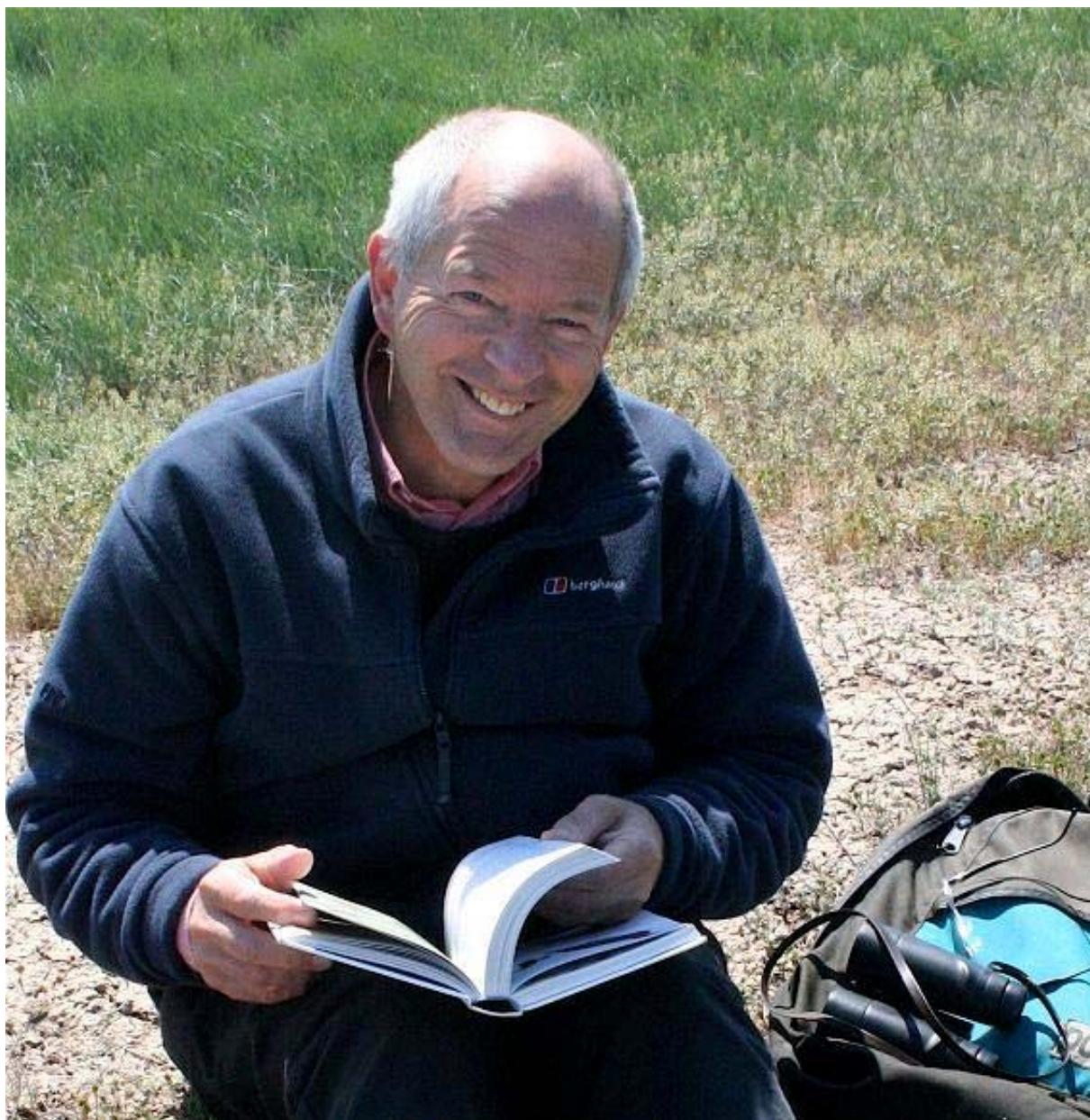
zoolit@hotmail.com, zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 19 февраля 2010

Предоставим слово самому юбиляру – профессору доктору Тимоти Роберту Биркхеду.

«Подобно многим поведенческим экологам моего поколения, я был фанатичным натуралистом в детстве, вдохновлённым моим отцом, заядлым бёдвочером, и моей матерью, превосходным художником. Мне было позволено, будучи подростком, содержать птиц в моей спальне, чьи стены и ковёр по неосторожности я разрисовал по своему собственному воображению. Мама поощряла мой энтузиазм, а отец развил две черты, которые сегодня, быть может, выглядят немного старомодно: этику в работе и желание всегда если что и делать, то самым лучшим образом. Мы жили в северной сельской Англии. В окрестностях города Лидс я и проводил многие дни с теперь трудно вообразимой свободой, наблюдая птиц либо в одиночку, либо со своими друзьями. Моя жизнь крутилась в круге естественной истории, и я воспитывал молодых сорок *Pica pica*, грачей *Corvus frugilegus*, серых неясытей *Strix aluco* и скворцов *Sturnus vulgaris*. Я собирал насекомых и был гордым обладателем авиария с экзотическими птицами. Когда мне исполнилось 12 лет, то во время семейных каникул в Северном Уэльсе отец взял меня на один день на остров Бардси. Это было сюрреалистично: обрывы, покрытые армерией, лазурное море и небо, полное клушиц *Pyrrhocorax pyrrhocorax*. Когда мы обошли остров, то в конце дня увидели молодого человека, сидящего с подозрительной трубой и блокнотом. Он изучал птиц. И мой отец сказал мне: «Ты бы мог делать что-то похожее», мало отдавая себе отчёт в судьбоносности своих слов.

В школе я ничем иным, кроме как биологией и живописью, не интересовался и поэтому был довольно безучастным, находясь в прострации и ощущая себя в заключении, когда не мог проводить время на улице. Математика, физика и химия были трудными предметами, потому что они были слишком абстрактными. Мне нравились рисование и биология, в первую очередь, потому что они наглядны. Я был вдохновлён и воодушевлён одним или двумя экстраординарными учителями – этот пример показывает, насколько вся работа в школе может быть нелёгкой и непростой и как много значит хорошее и правильное преподавание. Позже эти обстоятельства заставили меня самого стать толковым педагогом.

Тимоти Роберт Биркхед

Примерно в 17 лет я начал «изучать» серую цаплю *Ardea cinerea* — вид, чья численность, как и сапсана *Falco peregrinus* и других хищных птиц, сократилась из-за применения ядохимикатов. Я хотел изучать цапель, но без руководителя у меня не было никакого представления, что делать. Мои «исследования» состояли из наблюдения птиц в дневное время на месте зимней ночёвки рядом с Фернли Парком — прекрасном поместье, где 150 лет до этого Тернер рисовал пейзажи, цапель и других птиц. Я провёл целую зиму, свернувшись калачиком в зарослях и наблюдая этих величественных птиц. Именно эти наблюдения за цаплями отточили мои полевые способности и выносливость.

В 1969 году я отправился в университет города Ньюкасл изучать зоологию и полюбил её. Более всех меня вдохновил Робин Бейкер, рассказавший нам о неопубликованной работе Джеффа Паркера и

Боба Триверса о конкуренции спермы и половом отборе. Услышав об этом и помня логику индивидуального отбора, мне стало ясно — это любопытнейший момент. Я был воодушевлён и именно тогда решил, что рано или поздно займусь изучением конкуренции спермы у птиц.

Во время одного университетского отпуска я работал на ферме родственника в Корнуэле. Он, зная мой интерес к цаплям, рассказал мне, что один его старый школьный друг Йен Прест изучал эффект пестицидов на цапель и других птиц на экспериментальной станции Монкс Вуд. Письмо туда позволило мне получить приглашение и ознакомиться с этим вопросом из первых рук. К тому времени в моём распоряжении уже были ключи от лэндровера с разрешением изучать социальное поведение цапель самостоятельно. Это создавало отличное настроение. Я ощущал, что занимаюсь чем-то конструктивным и приходил в восторг, каждый день возвращаясь домой с ощущением чего-то впервые увиденного. В Монкс Вуд я встретил Джона Парслоу, который позже предложил мне вакантную должность наблюдателя за кайрами на острове Скомер, в Уэльсе. Джон также интересовался влиянием ядохимикатов на морских птиц и поэтому с пониманием отнёсся к моему предстоящему отъезду на Скомер.

Перед этим весной 1972 года я принял участие в студенческой конференции в институте Эдварда Грея в Оксфорде. Дэвид Лэк был директором этого института и он спросил собравшуюся группу студентов, есть ли среди нас те, кто хочет заняться работой над диссертацией. Лэк предпочитал ходить, а не сидеть, и наша беседа протекала под лёгким дождём во время прогулки вверх и вниз за пределами Колледжа Святого Хью. Я чего-то лепетал про свой интерес к индивидуальному отбору, социальному поведению и конкуренции гамет, а Лэк, который много не говорил, сдержанно заметил, что понимает намного больше в экологии, чем в поведении. К тому времени, когда я вернулся в Ньюкасл, от него пришло приглашение с предложением. Без дальнейших дискуссий Дэвид Лэк предложил мне изучать кайр *Uria aalge* на Скомере, то есть то, что я собирался делать для Джона Парслоу сразу после того, как закончу университет. Задним умом я теперь понимаю, что Парслоу и Лэк тайно сговорились между собой — к счастью для меня.

Кайра стала судьбоносным выбором. Хотя я и интересовался конкуренцией спермы, но когда я начинал работу над своей диссертацией, у меня не было никакого представления о том, что кайра, при том что является моногамным видом, в половом отношении весьма промискуитетна, то есть склонна к супружеской неверности. Наблюдения, проведённые мною, были обещающими, но вскоре стало ясно, что без большого количества индивидуально помеченных птиц, состоящих в близком родстве, кайры не смогут открыть мне все свои секреты.

Переехав в Шеффилд в 1976 году, я взялся за десятилетнее изучение сороки, наблюдая за образованием пар и поведением птиц вне семейных уз. Однако я продолжал обожать морских птиц и провёл следующие семь летних полевых сезонов в различных местах Канадской Арктики. Полуостров Лабрадор стал настоящей находкой. Колонии птиц там дали все возможности для прослеживания поведения индивидуально опознаваемых кайр. Весной 1983 года, как только мозаика собранных фактов стала складываться в некоторую картину, я принял решение, что конкуренция спермы будет главным фокусом моих исследований.

Социальное поведение было только частью истории. Правильное понимание конкуренции спермы также требовало знания физиологических аспектов размножения: как сперма утилизируется, где и когда происходит оплодотворение и так далее. Основываясь на птицеводческих навыках, приобретённых в подростковом возрасте, я выбрал зебровых амадин *Taeniopygia guttata* одним из двух модельных видов для изучения (Birkhead 1996).

Тимоти Биркхед и зебровая амадина

Выбор второго вида был необычным – банкивская джунглевая курица *Gallus gallus*. В конце 1980-х меня пригласили на совещание на полевую станцию Стокгольмского университета в Товеторп в южной Швеции. Во время тура по их хозяйству нам показали вольеры, где содержались рыси *Lynx lynx*, лоси *Alces alces* и другие крупные и «крутые» звери, которых изучали столь же крутые (мачо) студенты. Не-

ожиданно группа домашних куриц (домашняя курица весьма похожа на банкивскую джунглевую курицу) выскочила на нас и самец совершил копуляцию почти на мою ногу. Отступив назад, я спросил хозяина, кто из студентов изучает этих птиц. Немного смутившись, он сказал: «никто, они здесь просто в качестве декорации». Я был заинтригован, и год или два спустя Том Пизарри стал там одним из моих аспирантов, изучающим поведение куриц. Я намекнул Тому, что если удастся заставить петушков копулировать с чучелом самки, то мы смогли бы получить натуральные эякуляты, что мне удалось в случае с зебровыми амадинами, и, таким образом, по-новому взглянуть и на копуляционное поведение, и на механизм конкуренции спермы. Это кажется удивительным, но после десятилетий исследований в птицеводстве никто не знал, какое количество спермы самец передаёт во время копуляции. Несмотря на все усилия, Том был не в состоянии заставить самцов сделать то, что от них требовалось, с чучелами самок. Я отправился в Швецию. Как-то днём, когда мы наблюдали птиц вместе, Тома отозвали к телефону. В его отсутствие я поймал живую самку (они были почти ручными) и, зажав её ноги между моими пальцами, разместил её на своём животе так, что её задняя часть тела была повернута в сторону петуха. Немножко не веря в послание судьбы, самец взобрался и осеменил самку. Я отпустил её и взял другую самку. Это снова сработало. Я знал, что мы были на пороге открытия. Когда Том вернулся после телефонного разговора, я сказал ему: «Смотри сюда!». Снова самец осеменил самку. В течение нескольких часов мы разработали путь сбора эякулятов от самок, что позволило нам измерить и размер эякулята, и приоткрыть новый простор для исследований (Pizzari and Birkhead 2000; Pizzari *et al.* 2003).

Что направляло мою исследовательскую работу? Во-первых, и прежде всего – это непрестанное интеллектуальное любопытство к окружающему естественному миру. Свобода в юности давала возможность проводить бесчисленное количество часов, наблюдая за птицами и другими животными, что оттачивало полевые навыки, питало увлечение биологией и развивало то особое чувство, которое я называю биологической интуицией. То есть способность чувствовать, что биологически важно и существенно, а что – нет. Во-вторых, энтузиазм. Я не знаю, откуда энтузиазм берётся, но мое рвение всегда поощрялось родителями, что воспитало то необходимое упорство, без которого невозможно никакое научное исследование. В-третьих, меня окружали превосходные учителя и прекрасные коллеги. В Институте полевой орнитологии имени Эдварда Грея царила своя особая, творческая, воодушевляющая и стимулирующая атмосфера, благотворно влиявшая на меня как аспиранта. А затем мне необыкновенно повезло со своими учениками и последователями – очень способными студентами и кол-

легами. И наконец, в-четвертых, — открытость мышления. Я интересуюсь далеко не только поведенческой экологией и постоянно расширяю горизонты своих знаний. Нет лучшего пути для генерирования новых идей, чем выход за пределы своей собственной научной дисциплины (Birkhead 2008).

В заключение нельзя не сказать, что в занятии поведенческой экологией самое притягательное — это то, что энтузиазм познания окружающего нас животного мира всё время растёт. Чем больше мы открываем, тем больше ещё нераскрытых тайн появляется на нашем пути. И после 40 лет работы моё увлечение биологией не только не притупилось, но стало даже больше, чем когда я только начинал».

И теперь несколько сухих биографических строчек о юбиляре. Тим Биркхед родился 28 февраля 1950 года в Лидсе. Закончил простую школу в этом же городе. Степень бакалавра по зоологии получил в Ньюкасле в 1972 году, доктора философии в Оксфорде в Институте Эдварда Грея в 1976, а доктора наук — снова в Ньюкасле в 1989 году. Был стипендиатом Наффилда в 1991-1992 годах и Треста Леверхульма в 1995-1996. Работает профессором поведенческой экологии в Университете Шеффилда с 1976 года, то есть уже более 30 лет. В этом же университете прошёл все ступени от простого лектора до профессора. Читает лекции о поведении животных и истории науки. Был членом совета Британского орнитологического союза в 1981-1985 годах и членом совета в Ассоциации по изучению поведения животных в 1981-1987. В Рабочей группе по изучению морских птиц в 1979-1983 годах был почётным секретарём, а в 1987-1991 стал председателем. Начиная с 1996 года — президент Международного общества по поведенческой экологии. Область его специальных интересов — взаимосвязь между поведенческой экологией и репродуктивной физиологией и поведением, особенно конкуренция спермы. Тим Биркхед изучал несколько видов, особенно детально сороку, зебровую амадину, тонкоклювую кайру. Проводил многолетние популяционные исследования птиц, прежде всего кайр на острове Скомер (с 1972 года) и сорок вокруг Шеффилда. Изучал зебровую амадину в Австралии, желтоклювую сороку в Калифорнии, буйволового ткачика в Намибии, тонкоклювую и толстоклювую кайр в Канадской Арктике. Автор книг: «Сороки» (1991), «Острова бескрылой гагарки — полевой биолог в Арктике» (1993), «Промискуитет» (2000), «Красная канарейка» (2004), «Мудрость птиц — иллюстрированная история орнитологии» (2008), а также соавтор книг «Фактор выживания» (1990), «Конкуренция спермы и половой отбор» (1998), «Эволюция спермы: эволюционные перспективы» (2008). Кроме того, Тим был соредактором книг «Атлантические чистиковые» (1985) и «Кембриджская энциклопедия орнитологии» (1991).

Энциклопедия была удостоена Маккольвинской медали, а «Красная канарейка» – премии консула Кремера. Его книга «Мудрость птиц» одновременно победила на двух конкурсах и была признана лучшей книгой по орнитологии за 2009 год журналом «British Birds» и Британским трестом орнитологии. Тим редактировал журнал «Морские птицы» (1979-1983), в 1993-1994 был консультирующим редактором, а затем редактором журнала «Поведение животных» (1994-1995). Он – автор более 360 научных и научно-популярных статей в журналах «BBC Wildlife», «Natural History», «New Scientist». Кроме того, он имеет свою колонку в журнале «Independent». Член Королевского общества (Британской Академии наук). Член Американского орнитологического союза, Ассоциации по изучению поведения животных и Британского экологического общества. Особые интересы: трое детей, две собаки, рисование и музыка. Владеет немецким языком. По инициативе Тима было сделано несколько учебно-познавательных фильмов для работы со студентами, а брат Тима Майк возглавляет известную фирму, снимающую фильмы о животных «Mike Birkhead Associates» (<http://www.mikebirkhead.com/>)

Много внимания и времени Тим Биркхед уделяет борьбе за правильное цитирование в научной литературе и поддержание высокого уровня преподавания в высшей школе. Профессор Тим Биркхед подготовил более 30 докторов философии и открыт всем новым предложениям от кандидатов. Подробности на его сайте: <http://www.shef.ac.uk/aps/staff/acadstaff/birkhead.html>

С Днем рождения, Тим! Мы ждём с нетерпением Ваших новых интересных лекций, статей и книг!

Автор благодарен Тиму Биркхеду за помощь в написании этого очерка.

Литература

- Birkhead T.R. 1996. Mechanisms of sperm competition in birds // *Amer. Sci.* **84**: 254-262.
- Birkhead T.R. 2008. *The Wisdom of Birds – an Illustrated History of Ornithology*. London: Bloomsbury.
- Birkhead T.R., Johnson S.D. and Nettleship D.N. 1985. Extra-pair matings and mate guarding in the common murre *Uria aalge* // *Animal Behav.* **33**: 608-619.
- Pizzari T., Birkhead T.R. 2000. Female fowl eject sperm of subdominant males // *Nature* (London) **405**: 787-789.
- Pizzari R., Cornwallis C.K., Lovlie H., Jakobsson S. and Birkhead T.R. 2003. Sophisticated sperm allocation in male fowl // *Nature* (London) **426**: 70-74.

Осенне-зимнее питание глухаря *Tetrao urogallus* на севере Западной Сибири

В.Г.Борщевский¹⁾, А.Г.Купрянов²⁾

¹⁾ ФГУ «Центрохотконтроль», ул. В. Красносельская д. 2/1, Москва, 107140, Россия.
E-mail: megra@mail.ru

²⁾ ФГУ Печоро-Илычский государственный природный биосферный заповедник,
п. Якша, Троицко-Печорский район, республика Коми, 169436, Россия

Поступила в редакцию 16 февраля 2010

Несмотря на активное промышленное развитие северных районов Западной Сибири, изучение экосистем этого региона непростительно отстаёт от темпов их разрушения. Например, нанеся на карту точки, где проводилось изучение тех или иных сторон биологии глухаря *Tetrao urogallus*, с удивлением обнаруживаешь, что для всей обширной территории Обско-Тазовского водораздела до сих пор не опубликовано ни одной работы по питанию этого вида. В какой-то мере такую ситуацию можно понять в связи с хорошей изученностью данного феномена для всей таёжной зоны в целом, особенно в осенний сезон (см.: Потапов 1985). Для Западной Сибири сведения о питании глухаря содержатся в ряде работ, касающихся левобережья Оби и районов к востоку от реки Таз (Шинкин 1967; Телепнев 1972; Марунин 1977; Рогачёва, Сыроечковский 1977; Раевский 1982; и др.). По ним можно составить представление и о рационе глухаря на Обско-Тазовском водоразделе. Однако насколько оно будет адекватным? В данной работе мы попытаемся ответить на этот вопрос и с доступной детальностью попробуем охарактеризовать осенне-зимнее питание глухаря в некоторых точках Обско-Тазовского междуречья, уделяя особое внимание наиболее заметным региональным особенностям рациона птиц.

Район исследований

Материал собран в Шурышкарском и Пуровском районах Ямало-Ненецкого автономного округа (см. рисунок и таблицу 1) на слабо холмистой равнине (абс. высоты 7-120 м) в подзоне северной тайги. Средняя температура января от -24° до -29° , июля – от $+13^{\circ}$ до $+16^{\circ}\text{C}$, суммарное количество осадков 300-520 мм. Растительность представлена чередованием старых хвойных лесов, редколесий, разновозрастных гарей и преобладающих по площади болотных массивов. В древесном покрове обычны ель *Picea obovata*, лиственница *Larix sibirica*, сосна *Pinus sylvestris*, кедр *Pinus sibirica* и берёза *Betula* spp.; осина *Populus tremula* редка и представлена преимущественно угнетёнными формами. Примесь ольхи *Alnus sibirica*, черемухи *Padus avium*, жимолости *Lonicera* sp. и смородины *Ribes* sp. заметна лишь по долинам ручьёв и рек. Для всей территории характерно изобилие карликовой берёзы *Betula nana*, ивы *Salix* spp., в меньшей мере рябины *Sorbus aucuparia*.

ria. Вне болот можжевельник *Juniperus communis* и шиповник *Rosa* sp. встречаются повсеместно, но на водоразделах редки. В напочвенном покрове господствуют мохово-кустарничковые сообщества с переменным доминированием голубики *Vaccinium uliginosum*, багульника *Ledum palustre*, водяники *Empetrum* sp. и в меньшей мере брусники *Vaccinium vitis-idaea*. Черника *V. myrtillus* редка, вереск *Calluna vulgaris* крайне редок. На болотах обычны подбел *Andromeda polifolia* и клюква *Oxycoccus* sp. Разреженные злаково-разнотравные сообщества характерны для гарей, в поймах их покров местами становится сплошным. На болотах обычны осоковые (*Carex* spp.) группировки с гигрофильным мелкотравьем, сомкнутость которых быстро снижается от периферии к центру, где развиты молодые сплавины из сфагновых мхов *Sphagnum* spp.

Места сбора материала в Ямало-Ненецком автономном округе.

Бассейны рек: 1 – Куноват, 2 – Северная Тыдэотта, 3 – Большая Хадырьяха. Серая заливка – леса и редколесья, без заливки – болота, тундры, озёра.

В период сбора материала фенологическая обстановка в точке 1 соответствовала началу поздней осени: жёлтая хвоя на лиственнице, листопад и первый снег. Точки 2 и 3 характеризуют начало зимы: морозы до минус 20-30°C, глубина снега достигала 20-25 см; вересковые кустарнички почти полностью закрыты снегом, однако даже нижние части кустарников вполне доступны для птиц.

Таблица 1. Распределение глухарей, добытых для изучения питания, по территории и времени сборов

№ на карте	Административные районы	Бассейны рек	Географические координаты		Сроки сборов	Число птиц	
			с.ш.	в.д.		♂♂	♀♀
1	Шурышкарский	Куноват	65°35′	66°17′	20.09–2.10.2000	13	21
2	Пуровский	С. Тыдэотта	65°16′	76°14′	26.10–16.11.1998	7	0
3	Пуровский	Б. Хадырьяха	65°26′	79°17′	9-22.10.1998	0	6

Материал и методики

Все глухари с пустыми зобами исключены из последующей обработки и для исследования приняты данные о питании 47 птиц (табл. 1). Материалы о содержимом желудков к анализу не привлекались, поскольку не принесли дополнительной информации о составе пищи. К тому же, данные о содержимом желудков дают искажённую картину действительного соотношения поглощённых кормов (Цвеленьев 1938).

Питание птиц из точки 1 изучено по результатам анализа изъятых из зобов свежих пищевых комков. Вскрытие зобов проводилось через 2-20 ч после добычи птиц. Содержимое сортировалось по возможности до предельно низкого таксона, рассортированные фракции взвешивались с точностью до 0.1 г. Результат измерений выражался в показателях свежего (сырого) веса.

Данные из точек 2 и 3 объединены по причине небольших выборок и на основе сходства фенологической обстановки (см. выше). Из этих точек содержимое зобов получено в высушенном состоянии. После сортировки и определения видового состава все кормовые фрагменты досушены до постоянного веса (при 20°C) и затем взвешены с точностью до 0.1 г. Результаты взвешивания выражены в показателях сухого веса.

Для объединения всех данных использованы данные о содержании воды в кормовых объектах тетеревиных птиц (отношение сырого веса к сухому – Борщевский, неопубл. данные). В данной работе для расчётов взяты следующие значения этого коэффициента: кедр (хвоя с побегами, по 3 измерениям) – 2.0; лиственница (хвоя, $n = 5$) – 3.8; ель (хвоя с побегами, $n = 3$) – 1.3; берёза (серёжки, почки с концевыми побегами, $n = 11$) – 1.5; карликовая берёза (серёжки, почки с концевыми побегами, $n = 4$) – 1.6; шиповник (плоды, $n = 3$) – 2.5; голубика (ягоды, $n = 3$) – 8.5; осока (*C. flava*, листья, $n = 2$) – 1.7. Найденные в зобах кедровые шишки были взвешены в свежем состоянии сразу после вскрытия птиц.

Ниже для характеристики рационов, кроме количества зобов с каждым видом корма, указана его доля (%) от свежего веса всех пищевых комков.

Результаты

В изученный период вся пища глухарей состояла из объектов растительного происхождения, представленных фрагментами не менее 30 видов растений (табл. 2). В сентябре корм с деревьев и кустарников поедался примерно в такой же пропорции, как и растения напочвенного яруса (46% против 54%). Однако уже в октябре и начале ноября почти весь рацион формировался лишь фрагментами деревьев и кустарников.

В сентябре (точка 1) главными кормами глухарей из древесно-кустарникового яруса являются хвоя и побеги сосны и плоды шиповника. В заметном количестве поедается хвоя лиственницы, а также фрагменты берёзы и листья ивы. Основу кустарничковой компоненты составляют зелёные фрагменты черники, ягоды брусники и голубики. Ягоды водяники, хотя и дают более 11% поглощённой массы корма, были отмечены в единственном зобу. Относительный вес всех трав и лишайников менее 5%; регистрации большинства из них носят единичный характер. Часто встречаются только листья осоки, но их относительный вес очень низкий (0.1%). Скорее всего, что листья клюквы, багульника, большинства трав и фрагменты лишайников – лишь попутный корм, проглоченный птицами при поедании иной пищи. Галка зарегистрирована в зобах 23 птиц, её средний вес 0.9 г/зоб. В двух местах на речных косах (1 и 2 октября 2000) отмечены попытки разгребания глухарями тонкого снега (2-5 см).

Таблица 2. Осенне-зимнее питание глухаря
в Шурышкарском районе (точка 1; 20 сентября – 2 октября; $n = 34$)
и Пуровском районе (точки 2 и 3; 5 октября – 10 ноября; $n = 13$).
(N – число встреч; % – доля по весу; + – доля по весу меньше 0.1%)

Вид корма	Фрагменты	Точки исследований			
		№ 1		№ 2 и 3	
		N	%	N	%
Деревья и кустарники, всего	—	20	45.7	13	99,9
Сосна <i>Pinus sylvestris</i>	Хвоя, побеги	20	10.4	—	0
Кедр <i>Pinus sibirica</i>	Хвоя, побеги	—	0	9	32,0
« «	Шишки	—	0	2	6,0
Ель <i>Picea obovata</i>	Хвоя, побеги	—	0	8	14,6
Лиственница <i>Larix sibirica</i>	Хвоя, почки	4	6.7	2	11,4
Берёза <i>Betula pubescens</i> , <i>B. tortuosa</i>	Сережки, почки	2	5.3	8	0,7
Осина <i>Populus tremula</i>	Побеги, почки	1	0.2	—	0
Ольха <i>Alnus sibirica</i>	Сережки	1	0.2	—	0
Ива <i>Salix</i> sp.	Побеги, листья	7	5.1	—	0
Берёза карликовая <i>Betula nana</i>	Почки, побеги	—	0	1	3,2
Шиповник <i>Rosa</i> sp.	Плоды	3	17.8	4	32,0
Кустарнички, всего	—	15	49.6	1	+
Черника <i>Vaccinium myrtillus</i>	Ягоды	5	2.4	—	0
« «	Листья, стебли, почки	4	16.4	—	0
Брусника <i>Vaccinium vitis-idaea</i>	Ягоды	8	9.8	—	0
« «	Почки, бутоны, листья	5	1.0	—	0
Голубика <i>Vaccinium uliginosum</i>	Ягоды	5	8.1	1	+
Водяника <i>Empetrum</i> sp.	Ягоды	1	11.4	—	0
« «	Побеги, листья	1	+	—	0
Клюква <i>Oxycoccus</i> sp.	Листья	1	+	—	0
Багульник <i>Ledum palustre</i>	Листья	1	0.1	—	0
Подбел <i>Andromeda polifolia</i>	Листья	2	0.4	—	0
Травянистые растения, всего	—	14	4.6	1	+
Вейник <i>Calamagrostis</i> sp.	Листья, стебли	1	+	—	0
Осока <i>Carex</i> sp.	Листья, стебли, семена	8	0.1	1	+
Лютик <i>Ranunculus auricomus</i>	Листья	1	0.5	—	0
Костяника <i>Rubus saxatilis</i>	Ягоды	1	0.2	—	0
Чина <i>Lathyrus</i> sp.	Листья, стебли	1	1.9	—	0
Горошек <i>Vicia</i> sp.	Листья, стебли	1	0.5	—	0
Пижма <i>Tanacetum vulgare</i>	Листья	1	0.4	—	0
Иван-чай <i>Chamaenerion angustifolium</i>	Листья	1	0.1	—	0
Ястребинка <i>Hieracium</i> sp.	Листья	1	0.1	—	0
Крестоцветное <i>Cruciferae</i> indet.	Листья	1	0.8	—	0
Травы неопределённые	Стебли	2	+	—	0
Лишайники, всего	—	1	+	—	0
Уснея <i>Usnea</i> sp.	Стебли	1	+	—	0
Суммарный свежий вес корма, г	—	242.8		762.9	
Суммарный вес гальки, г	—	41.8		0	

В октябре-начале ноября (точки 2 и 3) почти весь рацион глухарей представлен растениями древесно-кустарникового яруса, однако типично зимняя пища (фрагменты кедра, ели и берёзы) в это время составляет чуть более 53% поглощённой массы пищи. Заметную роль продолжают играть осенние корма – хвоя лиственницы и плоды шиповника. Галька в зобах птиц уже не встречается, т.к. места её потенциального сбора полностью закрыты снегом.

Общими кормами древесно-кустарникового яруса для птиц из разных районов оказались только три: фрагменты лиственницы, берёзы и шиповника (табл. 2). Кроме них, в рационе глухаря из точки 1 отмечены фрагменты сосны, осины, ольхи, ивы. В пищевом спектре птиц из точек 2 и 3 этих кормов не найдено, но обнаружены фрагменты кедра, ели и карликовой берёзы, которые не встречались у птиц из западного сектора.

Обсуждение

Общая картина осенне-зимнего питания глухаря, полученная по нашим данным, выглядит вполне ожидаемой: его основу в слабо нарушенной тайге составляют фрагменты хвойных деревьев и вересковых кустарничков. Хорошо вписываются в общие представления о питании глухаря и некоторые детали наших наблюдений.

Так, для тетеревиных птиц известно о значительной внутривидовой (межпопуляционной) изменчивости в составе основных зимних кормов и способности переключаться на любой корм, характерный для семейства в целом (Потапов 1985). Наш материал подтверждает этот вывод: изученные птицы использовали широкий спектр кормов из верхнего яруса леса, в том числе те, что служат главными кормами другим видам тетеревиных. Например, глухари использовали в пищу побеги, почки и листья берёзы, ольхи, ивы, которые обычно составляют основу зимнего питания тетерева *Lyrurus tetrix*, рябчика *Tetrastes bonasia* и белой куропатки *Lagopus lagopus*. Впрочем, наши выборки показали весьма умеренное потребление этих растений глухарём, что также согласуется с указанием на более разнообразный рацион этого вида осенью и весной по сравнению с зимой именно за счёт кормов, поедаемых в небольшом количестве (Seiskari 1962).

Есть, впрочем, и ряд деталей, которые позволяют уточнить представления о питании сибирских глухарей. Так, в западном секторе изученного нами района (точка 1) соотношение между сосной и кедром в растительном покрове можно описать как фоновый (сосна) и обычный (кедр) виды, в восточном – как редкий (сосна) и обычный и даже фоновый (кедр) вид. Следовательно, отсутствие как фрагментов кедра в зобах глухарей из точки 1, так и сосновой хвои у птиц из точек 2 и 3 представляется обычным следствием пространственных вариаций в

обилии этих кормов. Признаков предпочтения глухарём кедровой хвои по сравнению с сосновой, отмеченного именно для северной тайги Западной Сибири (Назаров, Шубникова 1975), наш материал не показывает. Наиболее вероятно, что полное отсутствие можжевельника в рационе глухаря с Обско-Тазовского водораздела также определяется низким обилием здесь этого растения. Похоже, что частое использование можжевельника глухарём в качестве одного из основных зимних кормов (Воронин 1982; Балибасов 1983; и др.) возможно лишь в регионах, где это растение встречается в изобилии.

Совершенно неожиданным выглядит значительная доля хвои и побегов ели в пищевом спектре птиц (почти 15% поглощённой массы, табл. 2) из района, где кедр – обычный или даже фоновый вид деревьев (точки 2 и 3). Примечательно, что в литературных источниках по левобережью Оби и правобережью Таза (см. введение) поедание глухарём еловой хвои не отмечено. Для ряда регионов есть указания, что глухарь обычно избегает этот корм (Wilhelm 1982; Ménoni 1994; и др.). Наиболее вероятная причина такого отношения к еловой хвое со стороны большинства фитофагов – повышенное содержание соединений (смола, фенолов, танинов, алкалоидов), вырабатываемых растениями для защиты от поедания животными (см. Bryant *et al.* 1991). Кроме прямой интоксикации, эти соединения могут подавлять процессы пищеварения; в частности, у тетеревиных они затрудняют ферментацию растительного протеина и, вероятно, лигнина (Liukkonen-Anttila 2001; Watson, Moss 2008). Длительное время питаться только еловой хвоей глухарь, вероятно, не может; этот корм требует определённых дополнений и/или компенсаций другими кормами, включая искусственную подкормку (Heinemann 1989; Liukkonen-Anttila 2001). Кроме того, если еловая хвоя всё же является главной зимней пищей глухаря, то при этом обычно указывается, что другого массового корма для птиц в регионе нет (Першаков, Сабанеев – цит. по: Кириков 1952; Маслов 1972; Островский 1974; Чибизов 1978; Heinemann 1989; Kristin 1990; и др.). Следовательно, переживание зимы на «еловой диете» – вынужденная адаптация глухаря. Наш материал, однако, не подтверждает такого мнения, больше свидетельствуя в пользу некой необходимости этого корма для птиц.

Способность растений продуцировать защитные соединения зависит от целого ряда факторов, включая индивидуальные особенности (Bryant *et al.* 1991), и имеет, вероятно, циклический характер (Selås 1997). Возможно, что еловая хвоя, обнаруженная нами в изученных зобах, собрана глухарями с деревьев, у которых эта способность подавлена, хотя бы временно, например, в год наших сборов. К сожалению, одноразовость наших выборов (всего за один год) не позволяет проверить это предположение.

Примечательно заметное присутствие хвои лиственницы и особенно плодов шиповника в зобах глухарей, добытых в октябре-ноябре (в точках 2 и 3). Судя по данным с Обско-Тазовского водораздела, глухарь потребляет лиственничную хвою не только как зелёный корм (Кириков 1952), но и после её пожелтения, вероятно, до тех пор, пока она доступна. Плоды шиповника встречаются в рационе глухаря почти на всём протяжении ареала: от северо-западных предгорий Альп (Jacob 1988) до Якутии (Ларионов и др. 1980), – и в осенне-зимний период, похоже, являются излюбленным кормом (Маслов 1972; Рогачёва, Сыроечковский 1977; данная работа). Возможно, это объясняется не только калорийностью этих плодов, но и расположением их на ветвях, доступных птицам даже после выпадения снега.

Курьёзными видятся встречи мелких, но полностью сформированных кедровых шишек (примерно по 15 и 30 г) в зобах двух самцов, добытых 31 октября 1998. Хотя поедание глухарём кедровых семян не относится к редким явлениям (Теплов 1947; Телепнев 1972; Дулькейт 1975; Рогачева, Сыроечковский 1977; Балибасов 1983; и мн. др.), заглатывание им целых шишек кажется несколько неожиданным. А.Г. Банников (1957) указывал на большое значение кедровых семян в питании рябчика в более южных регионах; на севере, по его мнению, роль этого корма должна быть незначительной из-за низкой урожайности кедра. Встречи этого корма в двух зобах из нашей весьма ограниченной выборки (13 экз.) позволяют усомниться в этом заключении по отношению к глухарю.

Состав и соотношения пищевых компонентов из напочвенного яруса в рационе изученных нами глухарей не вызывают ни вопросов, ни необходимости комментировать полученные оценки. За исключением одного момента. Несмотря на широко известную склонность глухаря к питанию черникой (Борщевский 1986), высокая доля её стеблей в сентябрьском рационе ($> 16\%$, табл. 2) представляется несколько странной, т.к. в бассейне реки Куноват черника обычна лишь на весьма ограниченных участках. Впрочем, отсутствие количественных данных по обилию черничников на изученной нами территории исключает возможность корректного обсуждения этого вопроса.

Работа частично финансировалась Ямало-Ненецким управлением охотничьего хозяйства (С.М.Шишов). О.В.Емельянов оказал действенную помощь в её организации и сборе первичного материала.

Литература

- Балибасов В.П. 1983. Размещение и питание рябчика и глухаря на Северном Урале // *Тр. Коми фил. АН СССР* **62**: 4-9.
- Банников А.Г. 1957. Заметки о зимних кормах рябчика и даурской куропатки в Кэнтее // *Учён. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потёмкина* **65** (6): 89-94.

- Борщевский В.Г. 1986. О растительных кормах глухаря // *Вопросы охотничьей орнитологии*. М.: 109-128.
- Воронин Р.Н. 1982. Особенности питания тетеревиных птиц Тиманского края в снежный период // *Фауна Урала и прилежащих территорий*. Свердловск: 3-9.
- Дулькейт Г.Д. 1975. Алтай и Саяны // *Тетеревиные птицы. Размещение запасов, экология, использование и охрана*. М.: 83-100.
- Кириков С.В. 1952. *Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала*. М.: 1-412.
- Ларионов Г.П., Гермогенов Н.И., Сидоров Б.И. 1980. Фауна и экология птиц Лено-Вилуйского междуречья // *Фауна и экология наземных позвоночных таёжной Якутии*. Якутск: 85-142.
- Марунин В.Г. 1977. Основные черты экологии глухаря в Туруханском районе // *Экология и использование охотничьих животных Красноярского края*. Красноярск: 20-23.
- Маслов В.И. 1972. Радиоэкология тетеревиных птиц в биогеоценозах ториевого района // *Радиоэкологические исследования в природных биогеоценозах*. М.: 191-215.
- Назаров А.А. Шубникова О.Н. 1975. Северная тайга // *Тетеревиные птицы. Размещение запасов, экология, использование и охрана*. М.: 31-40.
- Островский А.И. 1974. Некоторые особенности карпатской популяции глухарей // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., 2: 96-97.
- Потапов Р.А. 1985. *Отряд курообразные (Galliformes). Ч.2. Семейство тетеревиные (Tetraonidae)*. Л. Наука: 1-638.
- Раевский В.В. 1982. *Позвоночные животные Северного Зауралья*. М.: 1-146.
- Рогачёва Э.В., Сыроечковский Е.Е. 1977. Экологические особенности питания тетеревиных птиц в туруханской средней тайге // *Биологические ресурсы, биоценозы и промысловое хозяйство туруханской тайги*. М.: 163-171.
- Телепнев В.Г. 1972. Некоторые особенности в питании южносибирского глухаря // *Сб. науч.-техн. информ. ВНИИОЗ (Охота, пушнина, дичь)* **37/39**: 58-61.
- Теплов В.П. 1947. Глухарь в Печеро-Блычском заповеднике // *Тр. Печеро-Блычского заповедника* **4** (1): 3-76.
- Цвеленьев Л.А. 1938. Материалы по питанию рябчика на Алтае // *Тр. Алтайского заповедника* **1**: 263-294.
- Чибизов С.Д. 1978. Питание глухаря на северо-востоке Коми АССР // *Экология* **16**, 1: 7-13.
- Шинкин Н.А. 1967. *Куриные юго-восточной части Западной Сибири*. Дис.... канд. биол. наук. Томск: 1-303.
- Bryant J.P., Provenza E.D., Pastor J., Reichardt P.B., Clausen T.P., du Toit J.T. 1991. Interactions between woody plants and browsing mammals mediated by secondary metabolites // *Annu. Rev. Ecol. Syst.* **22**: 431-446.
- Heinemann U. 1989. Zur winternahrung des auerhuhns (*Tetrao urogallus* L.) im Harz (Niedersachsen) // *Z. Jagdwiss.* **35**: 35-40.
- Jacob L. 1988. Régime alimentaire du grand tétras (*Tetrao urogallus* L.) et de la gélinotte des bois (*Bonasa bonasia* L.) dans le Jura // *Acta Oecologica* **9**: 347-370.
- Kristin A. 1990. K štúdiu potravy *Tetrao urogallus* L. dvoma metódami // *Tichodroma* **3**: 161-168.
- Liukkonen-Anttila T. 2001. Nutritional and genetic adaptation of Galliform birds: implications for hand-rearing and restocking // *Thesis. Univ. of Oulu*.

- Ménoni E. 1994. Statut, évolution et facteurs limitants des populations françaises de grand tétras (*Tetrao urogallus*): synthèse bibliographique // *Gibier Faune Sauvage, Game Wildlife* **11** (Hors série T. 1): 97-158.
- Seiskari P. 1962. On the winter ecology of the capercaillie, *Tetrao urogallus*, and the black grouse, *Lyrurus tetrix*, in Finland // *Papers Game Research* **22**: 1-119.
- Selås V. 1997. Cyclic population fluctuations of herbivore as an effect of cyclic seed cropping of plants: the mast depression hypothesis // *Oikos* **80**: 257-268.
- Watson A., Moss R. 2008. *Grouse. The natural history of British and Irish species*. London: 1-529.
- Wilhelm G.J. 1982. Ergebnisse von losungsuntersuchungen an eienr auerhuhnpopulation in den Vogesen // *Z. Jagdwiss.* **28**: 162-169.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 557: 486-490

О залёте чёрного лебедя *Cygnus atratus* в национальный парк «Себежский» (Псковская область)

С.А.Фетисов

Национальный парк «Себежский»,
ул. 7 Ноября, 22, Себеж, Псковская область, 182250, Россия

Поступила в редакцию 16 февраля 2010

Большинству орнитологов, изучающих фауну водно-болотных угодий, хорошо известно Белорусско-Валдайское Поозерье, изобилующее озёрами, реками и болотами. Тем не менее многие его части, например, Псковское Поозерье, лежащее в бассейне Западной Двины между Валдайским, Витебским и Латгальским Поозерьями (вдоль границы России с Белоруссией и Латвией), до сих пор остаются «белыми пятнами» в орнитофаунистическом отношении. Правда, в Псковском Поозерье есть одно исключение — это Себежское Поозерье, где с начала 1980-х годов ведут исследования орнитологи Санкт-Петербургского университета, а с 1996 года — сотрудники созданного здесь национального парка «Себежский» (Фетисов 2007а,б). Поэтому орнитофауна его изучена неплохо. За годы работы мы оказались свидетелями стремительного расселения некоторых видов (Фетисов 2008, 2009). Так, эти места заселили лебедь-шипун *Cygnus olor* (Фетисов, Ильинский 1990; Фетисов и др. 1998; и др.) и большой баклан *Phalacrocorax carbo* (Фетисов 2007а; и др.). Здесь впервые на Северо-Западе России найдены гнёзда малого погоныша *Porzana parva*, соловьиного сверчка

Locustella luscinioides и тростниковой камышевки *Acrocephalus scirpaceus*. Сюда залетала белоглазая чернеть *Aythya nyroca*, появлялись летом пары лебедя-кликуна *Cygnus cygnus*, а в последние годы резко участились залёты больших белых цапель *Egretta alba* (Фетисов и др. 2002; Фетисов 2007б; Фетисов, Стукальцов 2009; и др.).

Кряквы *Anas platyrhynchos*, лебеди-шипуны *Cygnus olor* и чёрный лебедь *Cygnus atratus* в устье реки Угоринки под Себежем. 11 марта 2009. Фото автора.

Недавно к перечисленным выше добавился ещё один залётный вид. 11 марта 2009 в Себежском национальном парке в районе устья реки Угоринки, впадающей в озеро Ороно, появился чёрный лебедь *Cygnus atratus* (Latham, 1790). Он прилетел, скорее всего, именно утром 11 марта, потому что уже к полудню того же дня о нём почти одновременно сообщили сотрудники службы охраны Парка, вернувшиеся из рейда, и любитель-парапланерист Э.В.Девятайкин из деревни Илово, летавший над озёрами Себежское и Ороно. Ни они, ни кто другой 10 марта чёрного лебедя не видели, хотя данное место хорошо просматривается местными жителями с шоссе, с холма и из дома, расположенного неподалёку. Достоверность определения не вызывает никакого сомнения, поскольку подтверждено детальными наблюдениями с близкого расстояния и многочисленными фотографиями. Несмотря на пристальный осмотр, на лебеде не было замечено ни колец на лапах, ни меток на крыльях, ни каких-либо отметин на оперении.

Своим постоянным пристанищем в национальном парке «Себежский» чёрный лебедь избрал огромную, не замерзающую даже зимой полынью в устье реки Угоринки – узкой (не более 10-12 м), короткой,

мелководной и быстрой протоки между озёрами Себежское и Ороно. Полынья, узкая в самой протоке, к весне распространилась и на часть акватории озера Ороно, освободив ото льда пространство чистой воды площадью не менее чем 1 га. В этом месте начиная с середины 1980-х годов почти ежегодно зимуют кряквы *Anas platyrhynchos* и лебеди-шипунуны *Cygnus olor*; в частности, в марте 2009 здесь постоянно держалось около 10 крякв и три группы шипунов: одна пара с двумя птенцами в протоке выше по течению, два взрослых самца в протоке у озера, ещё две пары шипунов – на краю льда на озере.

Чёрный лебедь *Cygnus atratus* на реке Угоринке под Себежем. 11 марта 2009. Фото автора.

Чёрный лебедь обосновался в центре полыньи, между мостом через Угоринку и местом впадения её в озеро. При этом его постоянными соседями стали несколько крякв и два взрослых самца шипуна, которые регулярно демонстрировали ему свое агрессивное поведение. Однако чёрный лебедь легко уходил от стычек, не выказывая особой боязни перед шипунами, и ни разу не покинул облюбованный им участок. По отношению к людям он вёл себя сначала довольно осторожно, но потом начал охотно подплывать за брошенными ему кусочками булки на расстояние 5-6 м, следуя обычно за «своими» шипунами.

Так продолжалось до 14 апреля, когда я видел черного лебедя на Угоринке в последний раз. К тому времени начали вскрываться ото

льда озёра, а на реках набирало силу половодье. 19 апреля, в день очередного осмотра Угоринки, вода в устье просто «кипела», сталкиваясь со встречной волной со стороны озера. Из птиц здесь были только чомга *Podiceps cristatus*, один взрослый шипун и две озёрных чайки *Larus ridibundus*; над озером изредка пролетали одиночные большие бакланы *Phalacrocorax carbo*. Несмотря на организованные поиски, чёрного лебедя не удалось найти ни в Себежском парке, ни на соседних территориях. Куда он исчез – неизвестно; возможно, даже погиб*.

Возникает вопрос, как трактовать залёт этой экзотической птицы. Родина чёрного лебедя – Австралия и Тасмания. В середине XIX века он был завезён в Новую Зеландию, где успешно натурализовался. Благодаря лёгкой приручаемости, красивый чёрный лебедь издавна разводится по всему миру в качестве декоративной парковой птицы. В Европе сбежавшие из неволи особи попадают в природу, где всё чаще наблюдается их успешное гнездование и образование натурализовавшихся популяций. По данным Д.Н.Нанкинова (2010), чёрный лебедь встречается в природе 11 европейских стран, больше всего этих птиц в Нидерландах, Великобритании, Франции. Поэтому залёты чёрных лебедей могут происходить как за счёт особей, улетевших из неволи или из условий полувольного содержания, так и за счёт уже одичавших и натурализовавшихся в Европе птиц. Это относится и к ряду других экзотических гусеобразных, натурализовавшихся в Европе, например, к мандаринке *Aix galericulata*, встреченной на реке Сестре под Петербургом (Назарова 2005), или канадской казарке *Branta canadensis*, всё чаще наблюдаемой в Ленинградской области (Меньшикова 1995, 2005) и зарегистрированной на гнездовании на Валаамском архипелаге Ладожского озера (Медведев 1992).

О встрече *S. atratus* на Северо-Западе России в литературе есть лишь одно упоминание: одиночный чёрный лебедь был убит под Петербургом 26 октября 1908 в устье Малой Невки, в полуверсте от Елагина острова (Раснер 2003, с. 1981). С тех пор сообщений о встречах этого вида больше не появлялось. Правда, это могло быть следствием отношения к таким случаям как к артефактам, не заслуживающим упоминания. В Эстонии за последних 30 лет известно 8 случаев залёта чёрного лебедя в разные районы (Lilleleht 1994).

Литература

Медведев Н.В. 1992. Случай гнездования канадской казарки (*Branta canadensis* L.) на Валаамском архипелаге Ладожского озера // *Рус. орнитол. журн.* 1, 1: 113-114.

* По крайней мере, никаких публикаций в средствах массовой информации по случаю новых встреч чёрного лебедя в Псковской области летом и осенью 2009 года не появилось, хотя в газетах писали о встрече с ним на реке Угоринке в марте 2009 и часто пишут о случаях зимовок лебедей-шипунунов.

- Меньшикова С.В. (1995) 2010. Редкие птицы Ленинградской области на рыбных прудах в Ковашах // *Рус. орнитол. журн.* **19** (547): 185-186.
- Меньшикова С.В. 2005. Водоплавающие и околоводные птицы Ропшинских прудов (Ленинградская область) // *Рус. орнитол. журн.* **14** (284): 291-309.
- Назарова С.А. 2005. Встреча мандаринки *Aix galericulata* на реке Сестре в Сестрорецке // *Рус. орнитол. журн.* **14** (300): 902-903.
- Нанкинов Д.Н. 2010. Интродукция в Европу чужих видов птиц и возникающие в связи с этим проблемы // *Рус. орнитол. журн.* **19** (551): 292-300.
- Раснер А.Г. 2003. Охота на Маркизовой луже // *Охота на водоплавающую дичь* / А.Г.Раснер. СПб.: 135-238.
- Фетисов С.А. 2007а. История орнитофаунистических исследований в Псковской области в послевоенный период. 4. 1980-е годы // *Рус. орнитол. журн.* **16** (345): 195-214.
- Фетисов С.А. 2007б. История орнитофаунистических исследований в Псковской области в послевоенный период. 5. 1990-е годы // *Рус. орнитол. журн.* **16** (346): 227-258.
- Фетисов С.А. 2007в. Большой баклан *Phalacrocorax carbo* – новый гнездящийся вид Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **16** (370): 1020-1027.
- Фетисов С.А. 2007г. Встречи большой белой цапли *Egretta alba* в Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* **16** (365): 855-863.
- Фетисов С.А. 2008. Мониторинг вселения новых видов птиц на водоёмы национального парка «Себежский» (Псковское Поозерье) // *Биологическое разнообразие Белорусского Поозерья: современное состояние, проблемы использования и охраны*. Витебск: 238-240.
- Фетисов С.А. 2009. Охраняемые и редкие птицы водно-болотных угодий Псковского Поозерья на границе с Белоруссией // *Рус. орнитол. журн.* **18** (471): 435-459.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В. 1990. Лебедь-шипун – новый гнездящийся вид Псковской области // *Экология и охрана лебедей в СССР*. Мелитополь. **1**: 123-125.
- Фетисов С.А., Ильинский И.В., Головань В.И., Фёдоров В.А. 2002. *Птицы Себежского Поозерья и национального парка «Себежский»*. СПб., **1**: 1-152, **2**: 1-128..
- Фетисов С.А., Сагитов Р.А., Иванов С.Ю., Леонтьева А.В. 1998. Лебедь-шипун *Cygnus olor* в Псковской области: процесс расселения и современное состояние // *Рус. орнитол. журн.* **7** (32): 9-19.
- Фетисов С.А., Стукальцов А.И. 2009. Орнитофаунистические находки на территории национального парка «Себежский» в 2009 году // *Сбалансированное развитие Северо-Запада России: современные проблемы и перспективы*. Псков: 251-254.
- Lilleleht V. 1994. Black Swan *Cygnus atratus* (Lath.) // *Birds of Estonia. Status, Distribution and Numbers*. Tallinn: 42.

К экологии центрально-азиатского певчего сверчка *Locustella certhiola centralasiae* на Западном Алтае

Б.В.Щербаков

Союз охраны птиц Казахстана, проспект Ушанова, д. 64, кв. 221,
г. Усть-Каменогорск, 492024, Казахстан. E-mail: biosfera_npk@mail.ru

Поступила в редакцию 7 февраля 2010

В сводке «Птицы Казахстана» центрально-азиатский певчий сверчок *Locustella certhiola centralasiae* Sushkin 1925 указан гнездящимся лишь в двух пунктах Восточного и Юго-Восточного Казахстана – в Зайсанской котловине и у южных подножий Джунгарского Алатау (Ковшарь 1972). Ближайшие находения этой формы были ранее известны в юго-восточной и центральной частях Алтая (Сушкин 1938). Сведений о находках в казахстанской (юго-западной) части Алтая не поступало и было принято считать, что западная граница его ареала, делая глубокую излучину к востоку, обходит юго-западный участок Алтая. Предположения о гнездовании его в Казахстане строились только на встречах молодых и взрослых птиц. Совершенно не изученной была его гнездовая биология, питание и т.п.

В 1971-1976 годах певчий сверчок был найден мной гнездящимся в бассейнах Белой и Чёрной Убы в горно-таёжной части Западного Алтая (Восточно-Казахстанская область), откуда в отдельные годы по долине реки Ульбы он проникает в степные предгорья вплоть до Усть-Каменогорска (Щербаков 1978, 1986, 2001). Более постоянно гнездится в лесистой части хребтов – Убинского, Ульбинского, Линейского и Холзуна, включая разделяющие их долины рек: Белая и Чёрная Уба, Барсук, Тургусун, Громотуха (Щербаков, Березовиков 2005, 2007). В местах гнездования, несмотря на усложнённые биотические условия, сверчок встречается спорадически и его обилие в какой-либо горной долине в отдельные годы сменяется полным отсутствием в последующие. После перерыва в несколько лет он опять становится обычным в тех же стациях.

Западная граница его распространения проходит в основном северо-восточнее города Риддера (бывший Лениногорск), однако здесь же она вдаётся «языком» до самого Риддера. Отмечался он на горе Синюхе и склонах Убинского хребта, обращённых к названному городу, но несколько западнее. Примечательно, что во время стационарных исследований весной и летом 1947 года, проводившихся М.А.Кузьминой (1953) в окрестностях Лениногорска и посёлков Черемшанка и Попе-

речное, певчий сверчок не был найден. Мы считаем, что это не результат пропуска, а свидетельство более позднего расселения рассматриваемого вида из российской части Центрального Алтая в юго-западном направлении. Такая точка зрения, на наш взгляд, правомерна ещё и потому, что по периферии ареала у многих видов происходит пульсация его границ (Формозов 1959). Такая картина наблюдается и у певчего сверчка. Крайне засушливым летом 1974 года (впервые за 40 последних лет) бóльшая часть лесных и пойменных болот в горнотаёжной части Западного Алтая оказалась пересохшей. Мхи и лишайники в горной тундре (2000-2300 м н.у.м.) в конце лета сильно высохли и на ветру превращались в «пыль». Тайга во многих местах горела. Вследствие этого певчий сверчок вообще не встречался у границы ареала в пределах Западного Алтая между Лениногорском и Поперечным. Граница распространения отодвинулась не менее чем на 50 км к северо-востоку до низовьев речки Палевой, берущей начало от Чёрного Узла на Ивановском хребте. В более влажном (но в целом тоже засушливом) 1975 году одна пара сверчков отмечена западнее Палевой, почти у Лениногорска, а промежуточная между ними территория не была заселена видом. При посещении долины Белой Убы в июле 1994 года певчие сверчки встречались между Тесным камнем и Гладкой (Щербаков, Березовиков 2007), а в июле 2001 года они оказались весьма обычными по левобережью Белой Убы в урочище Осиновая яма и в долине Быструхи у бывшего кордона Босякова, в 13-14 км восточнее Риддера (Березовиков, Рубинич 2001).

Характерный гнездовой биотоп певчего сверчка – сырые или заболоченные лесные и пойменные луга, заросшие преимущественно луговой осоково-разнотравной растительностью с островками и отдельными экземплярами кустарников или древесной поросли на высотах от 800 до 2100 м над уровнем моря. Отдельные пары сверчка встречаются также по высокотравным, но обязательно влажным субальпийским лугам в лесном поясе. Обычен сверчок в альпийском поясе (1800-1900 м) по болотистым низинам и вдоль многочисленных здесь речек и ручьёв. Встречается по заболоченным зарослям карликовой берёзки вблизи снежников и каменистых осыпей. Местами проникает в пояс высокогорных лугов в поясе горной тундры (1900-2000 м). Однако наиболее оптимальными местами его обитания являются заболоченные низкорослые заросли карликовой берёзки и ивы среди осоковых кочкарников. Встречался он также в разреженном кедрово-лиственничном редколесье с участием зарослей карликовой берёзки. В связи с этим интересно мнение П.П.Сушкина (1925), что этот подвид сверчка в зарослях берёзки не встречается и поэтому редок. Однако, как показали наши исследования на Западном Алтае, наиболее высокая его численность сосредоточена именно в высокогорной полосе зарослей кар-

ликовой берёзки, растущей как отдельными кустиками, так и громадными массивами, но обязательно среди сырой или заболоченной местности. В этих биотопах из 10 найденных нами гнёзд 8 были построены именно в кустах этой берёзки. Кроме того, здесь было найдено и более 10 прошлогодних гнёзд певчего сверчка.

Прилетают певчие сверчки довольно поздно, в июне. Однако в это время бóльшая часть высокогорных лугов ещё находится под снегом. Время первого появления этих сверчков отмечено у озера Орок-Нур 1 июня (Козлова 1930), на в Северо-Восточном Алтае – 13 июня (Сушкин 1938). У северного подножия Ивановского хребта (1000-1200 м) первые поющие сверчки зарегистрированы 13 июня 1972 в долине Быструхи у кордона Босяково, в 16 км северо-восточнее Риддера.

Сразу по прилёту самцы заявляют о себе громким пением. Вскоре же наблюдаются и их токовые полёты, во время которых самцы присаживаются на макушки луговых трав или кустарников. Изредка взлетают и на верхушки подроста хвойных деревьев. Срываясь с вершинки, самец метров на 10 почти вертикально поднимается вверх, останавливается в воздухе на мгновение и затем стремительно падает к основанию куста или в траву. Примерно так же токовые полёты сверчка описывает и В.А.Хахлов (1937). Песня певчего сверчка довольно звонкая – это небольшой набор трескучих и вместе с тем мелодичных, с оттенком печали, звуков. Следует отметить, что места гнездования певчего сверчка в высокогорном поясе абсолютно сходны с таковыми бурой пеночки *Phylloscopus fuscatus*. И пение этих видов очень характерно для заболоченных биотипов летом. Пение трёх самцов можно передать примерно так: 1) «Чи-трр-чит-чит-пиррр-чирр-чьяв-чьяв-чьяв»; 2) «Тррр-чирр-цвиррь...цырь...цвирь»; 3) «Цит-ци-цит-кэруг-кэруг-цвирь-цвирь-кэррруг». По темпераменту и скорости воспроизведения звуков они хорошо узнаваемы, однако присутствуют и индивидуальные различия в голосах.

К постройке гнёзд певчие сверчки приступают в конце июня. Участия самцов в строительстве гнёзд не замечено. Строящими гнёзда нам приходилось наблюдать только самок, самцы же в это время пели по соседству. В недостроенном гнезде, найденном 3 июля 1974 в истоках Белой Убы (1900 м) видели самку, заметно отяжелевшую от готового к сносу яйца. Гнёзда устраивают в густой траве у основания кустиков, в нашем случае – карликовой берёзки, или на вершинах болотных кочек, густо заросших осокой. Гнёзда обычно хорошо замаскированы сверху, так что обнаружить их бывает сложно, даже когда известно, что оно где-то совсем рядом. Устраиваются они не выше 20 см, чаще всего в 5-10 см от земли. Форма гнезда чашевидная, с глубоким лотком. Строительным материалом служат преимущественно стебли осок, и по этой причине гнёзда выглядят аккуратными и даже изящ-

ными. Кроме листьев осок, в незначительном количестве встречаются тонкие стебельки злаков. Только в одном гнезде в лоток были вплетены листья карликовой берёзки и покровное перо белой куропатки *Lagopus lagopus*. Размеры 14 гнёзд, см: наружный диаметр 10.5-13.0 (в среднем 11.6); диаметр лотка 4.7-7.5 (6.1), глубина лотка 5.0-8.0 (6.4), высота гнезда 7.0-17.5 (10.6).

Кладка состоит из 4-6 яиц овальной формы, острый конец которых заметно округлён. Скорлупа светло-серая с едва уловимым сиреневым оттенком, испещрённая тёмно-коричневыми точками, сгущающимися у тупого конца, где они сливаются в венчик или сплошную шапочку. Размеры 31 яйца, мм: 19-22×13.5-16, в среднем 20.1×15. Вес 11 свежих яиц 2.2-2.4, в среднем 2.3 г. Вес 4 сильно насиженных яиц 1.7-2.1, в среднем 1.8 г. Наблюдения за 3 гнёздами показали, что яйца откладываются ежедневно в утренние часы, между 8 и 9 ч. По наблюдениям за 2 гнёздами, сроки насиживания составляли 11-12 сут.

Время вылупления птенцов занимает от 1 до 3 сут. В одном гнезде с кладкой из 4 яиц на 12-й день после 9 ч появилось 2 птенца, а в 17 ч 40 мин вывелся последний, 4-й птенец. В другом гнезде 3 птенца вылупились к вечеру (18 ч 40 мин), последний, 4-й, утром следующего дня между 8 и 9 ч. Ещё в одной кладке, состоящей из 6 яиц, вылупление длилось 3 сут (!). Находившиеся на стадии вылупления 2 яйца весили по 1.9 г. Вес 4 только что вылупившихся птенцов был 1.5, 1.6, 1.75 и 1.75 г. К концу дня эти же птенцы весили 2.1, 2.1, 2.4 и 2.4 г. Птенцы певчего сверчка покрыты тёмно-бурым пухом, расположенным на головной, плечевой и спинной пуховых птерилиях.

Содержимое гнёзд, найденных в истоках Белой Убы (1900-2000 м), следующее: 1) 2 июля 1974 – 5 свежих яиц; 2) 3 июля 1974 – недостроенное гнездо; 3) 15 июля 1974 – законченное гнездо; 4) 15 июля 1974 – 4 птенца в возрасте 5-6 сут и 1 яйцо-«болтун»; 5) 17 июля 1974 – 5 насиженных яиц; 6) 20 июля 1974 – 4 сильно насиженных яйца; 7) 20 июля 1974 – 5 птенцов в возрасте 2-3 сут; 8) 21 июля 1974 – 6 птенцов в возрасте 2-3 сут; 9) 21 июля 1974 – 5 ненасиженных яиц; 10) 29 июля 1973 – 5 ненасиженных яиц.

Кладку насиживает только самка. Самец держится поблизости, выдавая своё присутствие пением. При появлении опасности он предупреждает насиживающую самку громкими трескучими звуками. На гнёздах самки сидят крепко, покидая их только у самых ног приближающегося человека, что и позволяет находить их. Были случаи, когда самка оставляла гнездо только после того, как куст, на котором оно свито, качнётся от прикосновения человека. Покидая гнездо, потревоженная самка старается незаметно, низом удалиться на 1-2 м в сторону и только потом взлетает. Летит с лёгким шумом крыльев и широко развернув хвост, тяжело, несколько напоминая в полёте утку.

Затем внезапно падает и скрывается в зарослях. Наседное пятно добытой самки имело размеры 32×18 мм.

Птенцов выкармливают оба родителя, собирая корм в 30-50 м от гнезда, при этом самец летает в разных направлениях. Первое время, пока птенцы не оперятся, самка защищает их от прямых солнечных лучей и дождя, прикрывая крыльями как зонтом. Она же всё время остается с птенцами ночевать в гнезде.

Основным кормом для птенцов служат сенокосцы, мелкие кобылки, мелкие зелёные гусеницы, реже комары, мухи и мелкие бабочки. За один раз взрослые приносят целый «букет» из нескольких насекомых. Например, в одном случае за один прилёт самец принёс сразу 5 сенокосцев и 15 мелких гусениц, а самка – крупную коричневую гусеницу. Эту гусеницу не смог проглотить младший из птенцов. Тогда самка вытащила у него гусеницу и отдала старшему птенцу, который успешно проглотил её. Каждый раз после кормления взрослые птицы забирают капсулы помёта и уносят их от гнезда на 5-10 м.

Птенцы оставляют гнездо дружно, в один день, при этом вместе со старшими его покидают и младшие, у которых тело ещё едва покрыто перьями. Вскочившие из гнезда птенцы отбегают на 2-5 м и уже через 1-2 мин подают птенцовый призывный крик: «цить-цить...». По этим звукам родители находят их в густой растительности. После того, как птенцы оставят гнездо, взрослые сверчки становятся более осторожными по отношению к человеку.

По наблюдениям в истоках Белой Убы (1900 м н.у.м.), находящихся между Ивановским и Линейским хребтами, в то время, когда у одних гнездящихся пар певчих сверчков птенцы оставляют гнёзда, у других в гнёздах ещё находятся кладки или недавно вылупившиеся птенцы. Так, в 1973-1975 годах между 19 и 22 июля между истоками Белой и Черной Убы (1900-2000 м) были пойманы слётки 3 выводков, только что оставившие гнёзда; 28 июля 1973 такие же птенцы были пойманы в долине речки Быструхи у кордона Босяково (1000 м) и 29 июля 1971 на кочкарниковых болотах у Риддера.

В 1974 году около гнезда сверчка было разорено гнездо черноголовой завирушки *Prunella atrogularis* на карликовой берёзке. В разорённом гнезде остался один птенец, уже начавший оперяться. Я подложил его в гнездо к сверчкам. Птенец подходил по возрасту и был принят новыми родителями, кормившими его вместе со своими птенцами во время наблюдений за гнездом в течении 2 дней. При нашем возвращении к этому гнезду через неделю гнездо было уже пустым, но сверчки проявляли беспокойство. Тут же из-под ног с трудом взлетел слёток, которого я поймал на лету. Им оказался птенец черноголовой завирушки, которого продолжали кормить приёмные родители.

Массовое появление уже лётных птенцов певчего сверчка в 1971-1975 годах приходилось на 2-8 августа. В это время слётки часто вылетают прямо из-под ног и, отлетев на 10-20 м, стремительно садятся, после чего их уже невозможно поднять. Взрослые с кормом и выносящие капсулы помёта, а также уже самостоятельные молодые отмечались 8 августа 1972 в районе Белоубинских озёр и в истоках Белой Убы (1600-2000 м), что свидетельствует о растянутости сроков их гнездования. В истоках Громотухи (1800 м) 7-8 августа 1976 ещё встречались поющие самцы на осоковом лугу с порослью чемерицы и левзеи, а на осоково-пушицевом болоте у вершины Синюхи (Убинский хребет) 11-12 августа 1976 было слышно пение только одного самца (Березовиков, Щербаков 2008).

Сроки гнездования центрально-азиатского певчего сверчка совпадают со сроками размножения номинального подвида. Так, в Горной Шории лётные молодые отмечались 6 августа (Залесский 1930), а в Красноярском крае птенец, покинувший гнездо, отмечен 17 августа (Юдин 1952). В 1975 году поющие самцы отмечались нами на местах их гнездования в верховьях Белой Убы (Райская долина) с 11 по 16 августа. Некоторые в это время даже проявляли беспокойство, вероятно, в присутствии находящихся поблизости молодых.

Исчезают певчие сверчки после того, как молодые становятся самостоятельными. Видимо, основная их часть уже с середины августа покидает места гнездования, о чём можно судить по уменьшению числа их встреч в характерных гнездовых биотопах. Так, в Райской долине, где они обычны летом, с 30 августа по 2 сентября 1972 и 7-8 сентября 2005 не встречено ни одного сверчка.

Автор выражает искреннюю признательность Н.Н.Березовикову (Институт зоологии МОН РК, Алма-Ата), в 1972-1976 годах принимавшему участие в полевых исследованиях и оказавшему большую помощь в наблюдениях за гнездовой жизнью певчего сверчка.

Литература

- Березовиков Н.Н., Рубинич Б. 2001. Орнитологические находки в Восточном Казахстане // *Selevinia*: 57-65.
- Березовиков Н.Н., Щербаков Б.В. 2008. Орнитологические наблюдения в горно-таёжной части Западного Алтая в августе 1976 г. // *Каз. орнитол. бюл.* 2007: 275-278.
- Залесский И.М. 1930. Птицы Горной Шории // *Тр. Общ-ва изучения Сибири и её производительных сил* 1, 5: 5-54.
- Козлова Е.В. 1930. Птицы Юго-Западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби. Л.: 1-396.
- Ковшарь А.Ф. 1972. Род Сверчок – *Locustella* // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 4: 127-147.
- Кузьмина М.А. 1953. Материалы по птицам Западного Алтая // *Тр. Ин-та зоол.* 2: 80-104.

- Сушкин П.П. 1925. *Список и распределение птиц Русского Алтая и ближайших частей Северо-западной Монголии с описанием новых или малоизвестных форм*. Л.: 1-79.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей северо-западной Монголии*. М.; Л., 2: 1-436.
- Хахлов В.А. 1937. Кузнецкая степь и Салаир. Птицы. Ч. 1 и 2 // *Учён. зап. Перм. пед. ин-та* 1: 1-243.
- Формозов А.И. 1959. О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц // *География населения наземных животных и методы его изучения*. М.: 172-196.
- Щербаков Б.В. 1978. Экологические сведения о гнездящихся птицах, новых для Западного Алтая и Казахстана // *Биология птиц в Казахстане*. Алма-Ата: 127-132.
- Щербаков Б.В. 1986. *Птицы Западного Алтая*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: 1-22.
- Щербаков Б.В. 2001. О динамике границ ареалов некоторых птиц на Западном Алтае // *Selevinia*: 53-56.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2005. Птицы Западно-Алтайского заповедника // *Рус. орнитол. журн.* 14 (290): 507-536.
- Щербаков Б.В., Березовиков Н.Н. 2007. Фауна птиц Западно-Алтайского заповедника // *Тр. Западно-Алтайского заповедника* 1: 41-87.
- Юдин К.А. (1952) 2003. Наблюдения над распространением и биологией птиц Красноярского края // *Рус. орнитол. журн.* 12 (227): 687-701, (228): 723-733, (229): 759-767.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 557: 497-498

Встречи птиц в Каспийском море в декабре 2009 года

В.В.Хроков

Общество любителей птиц «Ремез», Алматы, Казахстан. E-mail: vkh.remez@mail.ru

Поступила в редакцию 15 января 2010

При проведении кратковременных мониторинговых исследований на Каспии в декабре 2009 года было зарегистрировано всего 13 видов птиц. Работа проводилась с 30 ноября по 11 декабря у восточного побережья Каспия и в открытом море. Маршрут нашего судна лежал от порта Баутино на юг до широты Актау, затем на юго-запад в открытое море, поворачивал к мысу Песчаный, откуда следовал в обратном направлении – в Баутино. Вдали от берегов птиц было очень мало, к кораблю изредка подлетали хохотуньи и, сделав пару кругов, улетали прочь. В основном же птицы наблюдались вблизи побережья. В этот период стояла холодная штормовая погода с сильным юго-восточным ветром, в некоторые дни высота волн доходила до 3-3.5 м.

Podiceps cristatus. Несколько одиночных чомг и групп по 2-3 особи наблюдались 9-11 декабря у мыса Песчаный, полуострова Тюб-Караган и города Актау.

Phalacrocorax carbo. Три одиночки и группа из 6 бакланов встречены в районе мыса Песчаный 7-9 декабря.

Tadorna tadorna. У мыса Песчаный 9 декабря на воде наблюдались две стаи из 18 и 50 особей. Одиночная пеганка встречена 11 декабря на мелководе в г. Актау.

Anas platyrhynchos. Две стаи из 7 и 10 крякв пролетели в южном направлении 8 и 9 декабря у мыса Песчаный.

Bucephala clangula. У мыса Песчаный 7-9 декабря отмечены пролетающие над морем стаи из 5, 10, 13 и 20 гоголей.

Aythya ferina. Одиночка и две стаи из 4 и 15 особей встречены 8 декабря у мыса Песчаный, пара красноголовых нырков плавала у берега в г. Актау 11 декабря.

Haliaeetus albicilla. Одиночный орлан-белохвост пролетел над морем в сторону мыса Песчаный 7 декабря.

Pluvialis squatarola. Близ мыса Песчаный 9 декабря в южном направлении низко над штормовым морем пролетели две стаи из 5 и 8 тулесов.

Larus cachinnans. Наиболее часто встречаемый вид. Наблюдалась ежедневно по 1-5 особей как у берега, так и в открытом море, где птицы из любопытства обязательно заворачивают к каждому кораблю.

Larus canus. Встречается значительно реже *L. cachinnans*, в основном у берегов. У мыса Песчаный 9 декабря на юг пролетела стая из 60 птиц, а 11 декабря в г. Актау отмечена стая из 20 сизых чаек.

Larus ridibundus. Вблизи побережья, в Баутино и Актау наблюдалась в небольшом количестве, от одиночек до стаяк из 3-10 особей. Крупное скопление озёрных чаек (более 100 птиц) отмечено 11 декабря над пляжем в г. Актау.

Larus genei. У мыса Песчаный 8 и 9 декабря встречены две стаи из 7 и 20 морских голубков, пролетевших в южном направлении.

Fringilla montifringilla. В порту Баутино на палубе нашего судна утром 30 ноября кошка поймала самку юрка.

Из встреченных в данном районе птиц определённо зимуют следующие виды: орлан-белохвост, чайки – озёрная и хохотунья, юрок. Зимовка возможна также для чомги, большого баклана, красноголового нырка и гоголя. Окончание осеннего пролета наблюдалось у пеганок, крякв, тулесов, морских голубков и сизых чаек.

К биологии амурского свиристеля *Bombusilla japonica* на Партизанском хребте (Южное Приморье)

Н.Н.Пугачук

Второе издание. Первая публикация в 1991*

На весеннем пролёте в Лазовском заповеднике (село Киевка) мы отметили первое появление амурских свиристелей *Bombusilla japonica* 10 апреля 1970. Три стайки их в количестве 65 птиц (30, 20 и 15) отмечены на деревьях в центральной усадьбе. Птицы держались осторожно, мгновенно отлетая при опасности на соседние деревья с кустами омелы *Viscum coloratum*. Две предыдущие зимы были для амурских свиристелей неблагоприятными для зимовки, и они на обследованной территории не отмечались.

Прошедшим летом был обильный урожай амурского винограда, дикой яблони, бархата и т.д. Но зимовавшими здесь с 9 января по 18 марта серыми скворцами *Sturnus cineraceus* и рыжими дроздами *Turdus naumanni* он был съеден. Прилетевшим амурским свиристелям остались лишь ягоды омелы и остатки амурского винограда. Наблюдая поведение прилетевших амурских свиристелей мы заметили, что их стайки рассаживались по всему кусту омелы, птицы некоторое время осматривались, но звуковых сигналов не издавали.

Амурские свиристели на весеннем пролёте отмечаются ежегодно, зимую лишь в особо тёплые малоснежные зимы. На осеннем пролёте не регистрируются. Добытые 17 апреля птицы имели значительные жировые отложения, но масса их колебалась: у двух самцов – 54.0 и 64.0 г. Длина крыла самцов была 104 и 110 мм. Примечательно, что из 65 наблюдавшихся птиц самок было всего 8. С 18 апреля амурские свиристели откочевали в северном направлении.

* Пугачук 1991. Биология амурского (японского) свиристеля на Партизанском хребте (Южное Приморье) // *Орнитология* 25: 206.